

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 34:34.07

ПРАВОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2015 г. А. К. Дегтярев, В. П. Берестов

*Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

Статья содержит анализ роли правовой компетентности в формировании правового сознания в российском обществе. Авторы, опираясь на результаты социологических исследований, приходят к выводу о том, что россияне освоили правовую азбуку, но не сформировали массовую установку на практическую реализацию правовой компетентности. Причинами этого, по мнению авторов, являются восприятие российским обществом государства как «не совсем правового», неготовность к совместным правовым практикам, отношение к межличностной сфере как сфере неправовой свободы.

Ключевые слова: правовое сознание; правовая компетентность; правовое государство; неправовая свобода; законность.

In the article authors analyzed the role of legal competence in the formation of legal consciousness in Russian society. Basing on the results of sociological research, authors make a conclusion that the Russians have mastered “the legal alphabet”, but haven't formed the practice of daily understanding and use of the legal competence. The reasons for this, according to the position of the authors, are the perception of the Russian state as “not legal enough”, unavailability to joint legal practice and attitudes toward interpersonal sphere as towards the sphere of “non-legal freedom”.

Key words: feeling for law and order; legal competence; rule-of-law state; “non-legal freedom”; legality.

Правовое сознание в российском обществе характеризуется нестабильностью ценностных установок и «неразведенностью» правомерного и неправового поведения, отношением к праву как официальному регулятору и представлением о государстве как высшей правовой инстанции.

Между тем, правовое сознание является формулой самореализации личности в социальном пространстве, средством ее коммуникации с другими людьми, основой правовой социализации личности. Исходя из этого,

можно говорить о том, что от состояния правовой культуры в обществе, ее направленности зависит укорененность правового порядка, статус правомерного поведения и эффективность практик правоприменения.

Правовое сознание включает два уровня: правовые стереотипы и правовые знания. При этом не следует забывать, что вне правовой рефлексии сложным представляется формирование правовой культуры современного общества. Исследователи, указывая на то, что в российском обществе правовое сознание

не традиционализировано, что россияне находятся под влиянием «неписанного права» и что в российском обществе право ассоциируется с репрессивностью и принудительностью, упускают важный момент, связанный с уровнем правовой компетентности, с тем, что может быть определено как совокупность социальных качеств, определяющих возможность и стремление соизмерять социальное поведение с действующими в обществе правовыми нормами.

Очевидно, что преодоление правового нигилизма, стереотипизации неправомерного поведения связано с переходом к гражданской правовой культуре, которая ориентирует на знание, готовность и умение использовать механизмы и средства правового регулирования общественных и межличностных отношений, действовать в сфере регуляции права сознательно и ответственно, иными словами, в жизненных стратегиях исходить из правового выбора. Об этом свидетельствует тот факт, что в российском обществе «отклонение права» основывается на принятии формулы «обязательности права» и, одновременно, ситуативной оценки права в конкретных социальных и социально-бытовых контекстах.

Речь идет о том, что, как выявляют результаты конкретных социологических исследований, социальные группы и слои российского общества, в основном, придерживаются позиции объективации: правовое сознание рассматривается производным от построения в России правового государства и реформирования правовых институтов и действующей системы права в движении к обеспечению прав и свобод личности. Однако за этим внешне позитивным утверждением «авторитета права» можно видеть уход от позиции правовой ответственности, стремления легитимировать незнание права и неправомерное поведение сложностью, оторванностью правовых норм от социальных реалий, включения механизмов ресентиментности, связанных с тем, что в неправомерном обществе оптимальны неправомерные практики.

М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги в исследовании «Молодежь России: социологический портрет» выявили, что каждый четвертый молодой россиянин уверен, что живет в правовом государстве, в то же время, 51,5% выразили мнение, что в России государство

«не совсем правовое» [2, с. 41]. В подобном утверждении заложено противоречивое отношение к правовой компетентности, как неотъемлемому условию формирования правового сознания: актуализация правовых норм воспринимается элективно, выборочно, то есть соблюдение правовых норм возможно, если связано с контролем соответствующих инстанций, или содержит риск неотвратимости правовых санкций. Однако, если ситуация характеризуется игнорированием права, если правовая санкция трудно реализуема или незначительна в качестве наказания, правовые нормы уступают иным, часто противоречащим праву правилам и стереотипам.

Правовое сознание россиян можно квалифицировать как «неполное», содержащее понимание необходимости права, но отрицающее или ограничивающее воздействие права под влиянием логики обстоятельств, неукорененности в конкретной социальной группе или достижения жизненных приоритетов неправомерными способами. Примечательно, что сторонники позиции «Россия в целом не является правовым государством» доминируют во всех социально-возрастных группах и естественно предположить, что правовое сознание в российском обществе не ориентировано на право в рамках институционального и позиционного доверия.

Это означает, что возникает аморфность, неопределенность правового сознания, то есть не развиты и не проявляется базовая матрица права, понимаемая как схема самоопределения, на межличностном и межгрупповом уровнях. При этом не следует забывать, что в правовом сознании россиян утвердились основные критерии правового государства: равенство перед законом, независимость судебной власти, гарантии прав и свобод граждан. Это является позитивным результатом правового реформирования российского общества. Вместе с тем, в правовом сознании проявляется недооценка социальной значимости права: сфера применения правовых норм сужается отношениями с государством или определяется возможностью конфликтных ситуаций на межличностном уровне.

Таким образом, правовое сознание «двоично», то есть определяет авторитет права как обязательное условие отношений личности и государства и склонно актуализировать

воздействие права в качестве защиты прав и свобод личности. Следует признать, что большинство россиян ориентированы на соблюдение законности (молодое поколение — 50,3%, среднее поколение — 64,7%, старшее поколение — 61,7%) [2, с. 45]. Это дает основание считать, что в российском обществе утвердилась эгалитаристская трактовка права, ориентированная на современное государство. Но такая установка содержит риск в том, что основной акцент в соблюдении законности делается на государство, а низкая правовая компетентность способствует позиции снисхождения к нарушению права на основе суждений о том, что государство не является гарантом права.

В этом отношении следует различать право и законность: если право является правилом различения интересов, законность — характеризует и реализует качество нормативных актов. В правовом сознании россиян доминирует смешение права и законности, что выявляется в том, что нормы права могут отвергаться по причине «несправедливости законов». Так, показательной является позиция, согласно которой правовое государство характеризуется строгостью законов по отношению к преступникам. На основании того, что законы являются «мягкими», либеральными, не обеспечивают право граждан на безопасность, делается вывод о том, что в российском обществе право не обладает авторитетом, что принятая модель правового государства не имеет практической силы и практического воздействия.

Право, таким образом, становится «заложником» неэффективности практик правоприменения, «злоупотребления» права, со стороны правореализующих структур или персонафицируется с группами интересов. Коротче говоря, неразличение права и законности в массовом сознании россиян приводит к эффекту дискредитации или маргинализации права на основании дефектов в реализации права. В этом отношении показательно, что правовая компетентность слабо влияет на понимание в российском обществе функциональности права.

В целом, придерживаясь позиции, что право определяет взаимоотношения между гражданами и государством (молодое поколение — 56,4%, среднее поколение — 55,5%,

старшее поколение — 54,1%) [2, с. 46], россияне слабо поддерживают идею контроля на основе права гражданских обязательств: в этом проявляется влияние «анархического опыта» постсоветского периода, когда сформировался синдром воли, как альтернатива правовой свободы, и правовые нормы воспринимались позитивно в рамках формирования негативного индивидуализма [4, с. 136].

Не менее влиятельным фактором «негражданского отношения к праву» можно считать замещение права отношением к состоянию законности: асимметрия между правами и обязанностями граждан в правовом сознании россиян связана с восприятием законов как обладающих преимущественно не социально-реститутивным, а предписывающим или принуждающим смыслами по отношению к гражданам. Следует подчеркнуть, что в условиях становления правопорядка, укрепления российской государственности правовое сознание ориентируется на стабильность права и рассматривает государство как основной источник правотворчества и правоприменения. Но при этом возникает парадоксальная ситуация, характеризующая неразвитость правовой компетентности: признавая приоритет гарантий гражданам прав и свобод, россияне отказывают праву в защите интересов государства. Эта позиция не имеет высоких показателей (максимальный — 12,4%) [2, с. 46].

Очевидно, что поддержка понимания права в рамках демократических институтов для правового сознания создает коллизию дисфункциональности: не конструируется взаимосвязь между правами и свободами граждан и всеобщим благом. Иными словами, правовое сознание россиян атомизировано, определяется воздействием правовых стереотипов (равенство перед законом, права и свободы личности), но слабо актуализирует правовые нормы на межличностном уровне. Следствием такого состояния правового сознания является разрыв между пониманием права в качестве социального регулятора и ограничения мотивационного значения правовой компетентности. Если, хотя бы на позиции декларирования большинство россиян соглашались с тем, что поведение в отношениях с государством соизмеряется с пра-

вом, то в межличностной сфере доминирует тенденция деформализации правовых норм, наблюдается готовность к неформальным приглашениям.

Это выражается в том, что стремление к повышению правовой компетентности полагается в рамках повседневных практик и имеет влияние на профессиональную деятельность: о слабой защищенности своих прав говорит большинство студентов вузов, рабочих предприятий и строек, предпринимателей, инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции [2, с. 53]. Создается впечатление, что в российском обществе регулярно нарушаются права большинства граждан, но следует исходить из того, что существует ситуация «незнания и неготовности» защищать права, придерживаться позиции, что защита прав личности соотносится с обстоятельствами, с тем, что следует измерять издержки и выгоды от включения правовых механизмов.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что большинство россиян (60%) руководствуются интересами своей семьи, только 10% заявляет о необходимости ориентироваться на интересы коллектива или государства [1, с. 265]. Создается ситуация «индивидуализированности права», то есть правовая компетентность перестает быть инструментом, повышающим представительство коллективных интересов и, следовательно, стимулируется состояние правовой беззащитности, поскольку позиция защиты прав и свобод личности содержит слабость.

Другими словами, россияне готовы адаптироваться к нарушению прав и свобод, если это не относится лично к ним, не готовы к совместным правозащитным практикам, отстаиванию, особенно, социальных и трудовых прав. Не случайно, что низкая оценка эффективности правовых норм в массовом сознании фиксируется в социально-трудовой сфере. Отсюда можно сделать вывод, что ориентация на правовую компетенцию не рутинизирована в российском обществе, что ее состояние определяется зависимостью от личностной социальной и профессиональной карьеры, не дорастает до уровня гражданской правовой культуры, способной оценивать универсальность правовых норм.

Интересно при этом, что в российском обществе не получила массового признания идея гражданского общества как структурированного социального социума, в котором на основе правового регулирования создаются условия для соблюдения прав и свобод [5, с. 120]. Можно констатировать, что правовое сознание включает желательность правовой компетентности на индивидуальном, личностном уровне, но не воспринимает необходимость и даже безальтернативность правовой компетентности в качестве инструмента включения правового регулирования в структурировании российского общества, взаимного признания легитимности «чужих» интересов.

Неудивительно, что в общественных настроениях не получают соответствующего резонанса акции, предпринимаемые с целью защиты коллективных прав (экологические, культурно-исторические, социально-реабилитационные). Действия ущемленных в своих правах граждан на групповом уровне воспринимаются безразлично, не осознается эффект обязательности реализации права для нормального функционирования общества и снижения потенциала правового нигилизма.

В том, что правовая компетентность не актуализирована в качестве способности предвидеть и квалифицировать правовые последствия совершаемых действий, можно обозначить причину правовой безответственности, того, что в правовом сознании слабо представлена рефлексия, способность к социальной самокритичности. С большей степенью вероятности негативные суждения респондентов связаны со стереотипами восприятия права, с воздействием неформальных коммуникаций, с представлениями о справедливости и несправедливости законов.

При этом следует учитывать, что правовая компетентность предполагает знание и правовых механизмов, и базовых представлений о социальном устройстве общества, что позволяет воздерживаться от субъективистских односторонних оценок состояния правового государства и правового порядка в России. Также очевидно, что в правовом сознании россиян размыты правовые ориентиры, оценка желательности или нежелательности из-

менений в существующей системе правовых отношений.

В сложившейся социально-политической и социально-экономической ситуации, когда выявляются кризисные явления и прогнозируется рост неправомерного поведения, актуальным является осознание правовой компетентности и в ее как «негативном» значении осознания последствий неправомерного поведения, так и в позитивном аспекте, связанным с принятием права как личностного и группового социального ресурса.

На сегодняшний день в России осуществляются программы правового воспитания в образовательном пространстве. Не отрицая их полезность, следует осознать, что правовая компетентность выявляется в процессе актуализации, задействования правовых знаний, а ситуация такова, что среди студенческой молодежи, как основного адресата программ правового воспитания, правовые «оптимисты» доминируют над правовыми «скептиками» (21,5% респондентов не осуждают коррупцию, а 22,7% считают возможным уклонение от налогов, в то время как осуждают эти явления 57,1 и 65,3% соответственно) [3, с. 122].

Тем не менее, нельзя утверждать, что очевидна ситуация правовой компетентности, так как студенты дают оценку нежелательности нарушения отношений с государством, как сферой правового регулирования. Можно предположить, что в сфере межличностных отношений, не смотря на осуждение в студенческой среде алкоголизма, употребления наркотиков существует определенная степень толерантности, связанная с тем, что студенты рассматривают делинквентные по существу действия как сферу индивидуального выбора, содержащего возможность правовой оценки только в ситуации социальных последствий.

Иными словами, правовая компетентность студенческой молодежи позволяет констатировать, что молодые россияне освоили правовую «азбуку», но остается открытым вопрос о транслировании правовой компетентности по отношению к будущей профессиональной деятельности, а также к перспективам актуализации правовых норм в социально-приватном пространстве, на соци-

альном микроуровне. Значительная роль в этом процессе принадлежит телевидению и интернету, но рыночный подход привел к тому, что молодежь ориентируется либо на принятие криминализированности общества и приоритет «неписаной» традиции права, либо испытывает влияние правовой эрозии под воздействием сайтов, имеющих явно противоположную направленность.

Низкая популярность у молодежи правовых программ аудиовизуального характера, которые являются редкостью в культурно-информационном пространстве, показывают, что в российском обществе не сформировался запрос на правовую компетентность, как базовое условие укрепления правового порядка и легитимации правового сознания. В этом отношении позиция «непреодолимости обстоятельств», ассоциируемая с тем, что в России «не совсем правовое государство» и что в российском обществе не соблюдаются права и свободы личности, может быть интерпретирована в контексте неразвитости правовой компетентности.

К такому выводу можно прийти, исходя из того, что дефицит совместных правовых практик, ориентированных на защиту коллективных интересов и формирование позиции правовой лояльности по отношению к государству, толерантность по отношению к неправомерному поведению в социально-бытовой сфере, воспринимаемые как сфера неправомерной свободы, приводят к торможению процесса становления гражданского правового сознания, пролонгирует социальную атомизацию общества, которая преодолевается только в контексте негативной мобилизации, консолидированности по отношению к внешним вызовам.

Так как сохраняется отношение к праву с позиции принудительности, правовая компетентность может испытывать абберацию смыслов, которая выражается в накоплении правовых знаний для реализации иллегальных практик. Также не следует забывать о том, что инерционность «анархизма», ориентация на отчужденность от применения права в качестве универсального регулятора социальных отношений, свидетельствует о том, что правовая компетентность не стала в России маркером сознания индивида, скорее о ней

можно говорить как о проективном элементе, что касается того, что правовая компетентность не имеет практической силы в формировании правового сознания в российском обществе, то здесь уместно сформулировать парадоксальный вывод: в правовом сознании сформировалось позитивное восприятие правового равенства, взаимных обязательств между личностью и государством, но при этом воспроизводится некомпетентность в оценке регулирующего потенциала права.

Литература

1. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). / Гор-

шков М. К. — М.: Новый хронограф, 2011. — 672 с.

2. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. — М.: Институт социологии РАН, 2010. — 592 с.

3. Комплексный портрет студентов Южного федерального университета: коллективная монография. / Отв. ред. А. В. Сериков. — Ростов н/Д: Ростиздат, 2013. — 288 с.

4. На перепутье (Новые веки): Сборник статей. — М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. — 240 с.

5. Хлопин А. Д. Гражданское общество в России: идеология, утопия, реальность. // Pro et Contra. — 2002. — №1.

Поступила в редакцию

17 августа 2015 г.

Александр Константинович Дегтярёв — доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и психология» ЮРГПУ (НПИ), автор исследований в области социальной философии, экономической социологии, социальных институтов и процессов.

Aleksandr Konstantinovich Degtyaryov — Ph.D., Doctor of Philosophy, professor at The Southern Russian State Polytechnical University (Novocherkassk Polytechnic Institute) Sociology and Psychology department. Author of numerous works in the field of social philosophy, economic sociology, studying social institutes and processes.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-20; e-mail: socis_srstu@mail.ru

Виктор Петрович Берестов — кандидат юридических наук, доцент кафедры публично-правовых дисциплин Южно-Российского государственного политехнического университета им. М. И. Платова.

Victor Petrovich Berestov — Ph.D., Candidate of Jurisprudence, docent docent at the South-Russian State Polytechnic University (NPI) of M. I. Platov name department of Public and Law Academic Disciplines.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25 57 71; e-mail: kafedra.publichno-pravovyhdi@yandex.ru
